

N. Rozhkov
Н. Рожков.

s u d' b y R u s s k o i
СУДЬБЫ РУССКОЙ
R e v o l u t s i i
РЕВОЛЮЦИИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ВѢКЪ“.

СПБ.

1907.

5718 1994

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

TO ADD
ABSTRACT

Электропечатня Я. Левенштейна, Екатеринбург, 10—19.

MILUKOV LIBRARY

DK263
P65

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не исторію революціи пишу я: для этого не настало еще время, и не собраны матеріалы. И не мемуары также: тогда слѣдовало бы рассказывать лишь о томъ, чему я былъ свидѣтелемъ, въ чемъ принималъ непосредственное участіе. Моя задача—задача публициста, старающагося понять явленія общественной жизни и намѣтить пути для рѣшенія общественныхъ вопросовъ. Я хочу объять единымъ взглядомъ великую борьбу за освобожденіе, осмыслить ея отдѣльные моменты, понять общій ходъ и предугадать вѣроятный исходъ. Попытка обобщенія сближаетъ этотъ планъ съ задачей историка. Непосредственные наблюденія создаютъ элементъ, свойственный воспоминаніямъ современника и очевидца. Попытка отвѣта на жгучіе вопросы объединяетъ все это и представляетъ собой итогъ работы.

Я не могъ и не могу смотрѣть на русскую революцію иначе, какъ сквозь призму своихъ политическихъ взглядовъ и убѣжденій. Отречься отъ нихъ значило бы отказаться отъ собственной личности, совлечь съ себя тѣ индивидуальныя особенности, которыя мнѣ свойственны, устранить то, что выработано всей предшествующей моею жизнью. Но мои политическія убѣжденія тѣсно, неразрывно связаны съ опредѣленной научной теоріей. Они сложились въ связи съ этой теоріей и вырабатывались и крѣпли есте-

пенно по мѣрѣ того, какъ она усвоивалась длиннымъ и труднымъ путемъ. И увѣренность въ вѣрности и прочности теоретическихъ взглядовъ; не метафизическихъ, не оторванныхъ отъ дѣйствительности, обобщающихъ жизненные явленія, даетъ основаніе вѣрить и въ правильность пониманія хода великихъ событій, свидѣтелями и участниками которыхъ мы являемся, и въ то, что политическія убѣжденія въ данномъ случаѣ не ведутъ къ искаженію истины. Научное истолкованіе общественныхъ явленій лежитъ въ основѣ этой книжки.

Въ мои задачи не входилъ фактическій разсказъ. Обобщеніе, пониманіе цѣлаго и его основныхъ моментовъ—вотъ къ чему я стремился. Если даже я часто и ошибался, — виновать въ этомъ, конечно, я, а не теорія, мною исповѣдуемая. Но истина этой теоріи даетъ мнѣ надежду, что въ моей книжкѣ есть кое что, заслуживающее обсужденія и вниманія. Безъ этой надежды я, конечно, не выпустилъ бы книжки въ свѣтъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Происхожденіе революціи.

I.

Какъ произошла русская революція? Какими причинами она была создана? Дать себѣ ясный и полный отчетъ въ этомъ, значитъ разрѣшить задачу наполовину. Основъ для такого отчета мы должны искать, конечно, прежде всего въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній.

Если древнѣйшая экономическая исторія Россіи многими своими чертами напоминаетъ соотвѣтствующіе процессы въ исторіи разныхъ странъ европейскаго запада, ничѣмъ существеннымъ отъ послѣдней не отличаясь *), то это далеко нельзя сказать объ исторіи Россіи новой, вышедшей уже изъ рамокъ натурального, замкнутаго, почти совершенно-безобмѣннаго хозяйства. Здѣсь были свои—и притомъ весьма крупныя—особенности, научное объясненіе которыхъ даетъ возможность понять происхожденіе и значеніе нѣкоторыхъ основныхъ общественныхъ силъ, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ русской дѣйствительности.

Въ экономической литературѣ принято обыкно-

*) См. объ этомъ мою статью «Натуральное хозяйство и формы землевладѣнія въ древней Россіи», напечатанную первоначально въ журналѣ «Жизнь» за 1900 годъ, а потомъ перепечатанную въ сборникъ моихъ статей, изданномъ подъ заглавіемъ «Историческіе и социологическіе очерки», часть 1-я.

венно расширять до чрезвычайности хронологическія рамки періода натурального хозяйства. Черезчуръ расширительно толкуютъ при этомъ и самое понятіе „натурального хозяйства“. Въ этомъ смыслѣ говорятъ, напр., о господствѣ натурального хозяйства въ крѣпостническую эпоху, въ эпоху крѣпостного права. Между тѣмъ утверждать это—значитъ безнадежно смѣшивать эпоху дѣйствительно-натурального хозяйства съ періодомъ хозяйства денежного, мѣнового, товарного, но до-капиталистическаго,—такого хозяйства, въ которомъ *значительныя* массы населенія втянуты уже хотя бы *отчасти* въ товарное обращеніе, и капиталъ проникъ уже въ сферу обмѣна, захвативъ ее въ свои руки и оставляя пока внѣ своего вліянія только сферу производства хозяйственныхъ благъ. Это денежное до-капиталистическое хозяйство отличается, слѣдовательно, и отъ предшествующаго и отъ слѣдующаго періодовъ. Отъ предшествующаго оно отличается тѣмъ, что приобщаетъ къ обмѣну продукты хозяйственной дѣятельности извѣстной, значительной части народныхъ массъ, заставляетъ ихъ продавать и покупать. Отъ слѣдующаго—тѣмъ, что, во-первыхъ, не весь народъ, а только болѣе или менѣе значительная его часть втягивается въ мѣновой оборотъ, во-вторыхъ, и эта часть втягивается въ него далеко не цѣликомъ, а лишь въ извѣстной мѣрѣ, въ третьихъ, производство остается мелкимъ, некапиталистическимъ

Такой періодъ денежнаго до-капиталистическаго хозяйства начался въ западно-европейскихъ странахъ приблизительно въ XII—XIII столѣтіяхъ. У насъ въ Россіи онъ сталъ слагаться около половины XVI вѣка.

Но здѣсь между Россіей и западной Европой обнаружилось различіе чрезвычайной, первостепенной важности.

На западѣ переходъ къ денежному хозяйству совершился съ большой постепенностью и медленностью и выразился прежде всего въ томъ, что каждая страна разбилась на рядъ замкнутыхъ въ экономическомъ отношеніи небольшихъ округовъ, имѣвшихъ въ центрѣ торговый городъ, къ которому и тянуль весь округъ, гдѣ шла такимъ образомъ торговля продуктами. Одна область не торговала съ другой, — напротивъ, ограждалась отъ нея высокой стѣной таможенныхъ пошлинъ. То былъ, выражаясь въ терминахъ Бюхера *), періодъ „городского“ хозяйства, который лучше всего было-бы назвать періодомъ денежнаго хозяйства, рассчитаннаго на небольшой, узкій мѣстный рынокъ.

Это было понятно: вѣдь пути сообщенія были крайне плохи, большіе переѣзды, длительные перевозки товаровъ были до чрезвычайности опасны. Потому товаръ, если провозить его на большое разстояніе, слишкомъ сильно дорожалъ и не находилъ покупателя. Чтобы преодолѣть эти препятствія, понадобилось три или четыре столѣтія, и только въ XVI вѣкѣ узкій мѣстный рынокъ началъ смѣняться сбытомъ, рассчитаннымъ на обширную территорию, — денежное хозяйство стало національнымъ, чтобы затѣмъ превратиться въ мировое **).

Не то наблюдаемъ мы въ Россіи. Конечно, у насъ въ XVI в. дороги были не лучше, если не хуже, чѣмъ въ Европѣ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, но за то у насъ были лѣтомъ — превосходные, необыкновенно многочисленные и полноводные рѣчные пути, а зимой

*) Die Entstehung der Volkswirtschaft.

**) Этотъ интересный процессъ съ блестящей наглядностью, большой глубиной и замѣчательной эрудиціей разъясненъ тов. М. Н. Покровскимъ въ его статьѣ о хозяйствѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ въ «Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ», изд. подъ ред. г. Виноградова, вып. 4-й.

еще болѣе важный для товарнаго обращенія путь санный. Англичане, въ XVI в. посѣщавшіе Россію, не даромъ удивлялись быстротѣ и легкости, съ какими перевозились зимой товары на огромныя разстоянія. И потому русскій внутренній рынокъ для отдѣльных торговыхъ центровъ былъ въ XVI—XVII вѣкахъ несравненно обширнѣе, чѣмъ рынокъ для образовавшихся въ XII—XIII вѣкахъ замкнутыхъ мелкихъ округовъ на западѣ: первый охватывалъ территорію, очерчивавшуюся радіусомъ 150, 200, иногда 300, въ отдѣльныхъ случаяхъ (Москва) даже въ 500 верстъ, радіусъ территоріи второго не превышалъ сначала 15—20 верстъ. Конечно, изолированность рынковъ и у насъ была, но она была меньшей, чѣмъ на западѣ, и болѣе скоропреходящей.

Переходъ отъ натурального хозяйства къ денежному всегда и вездѣ тяжекъ. Это—глубокій и острый кризисъ, переживаемый народно-хозяйственной жизнью. Старыя основы хозяйства, подгнившія уже раньше и колебавшіяся, падаютъ, рушатся, и на мѣсто ихъ выдвигаются другія, новыя. Процессъ этотъ, всегда болѣзненный, превращается въ настоящій рѣзкій переломъ тогда, когда онъ протекаетъ съ особенной быстротой и интенсивностью. Такъ это и случилось въ Россіи. Эта быстрота и сила развитія—очень важная и богатая послѣдствіями наша особенность.

Чтобы справиться съ переходомъ къ денежному хозяйству, общество смыкается въ рѣзко очерченныя сословія, которыя совокупными усиліями своихъ членовъ сообща справляются съ тяжелой очередной задачей времени. Эта сословность рѣзко и отчетливо обозначилась и утвердилась на западѣ въ XII, XIII и послѣдующихъ вѣкахъ вплоть до XVIII-го. Неразлучима съ ней была и другая черта соціального строя—крѣпостничество. Его задача заключалась также въ

спайкѣ отдѣльныхъ общественныхъ элементовъ въ группы тѣсно сплоченныя и вмѣстѣ принудительно связанныя одна съ другой. Но постепенность и медленность хозяйственныхъ перемѣнъ на западѣ создавали не упроченіе, а смягченіе крѣпостничества. Такъ какъ замкнутую экономическую область надо было обслужить въ достаточной мѣрѣ и вмѣстѣ безъ избытка рабочими силами, то отсюда и получилось прикрѣпленіе крестьянъ къ *землѣ* безъ права ихъ ухода, а также и безъ права землевладѣльца сгонять ихъ или отчуждать безъ земли. Этому соотвѣтствовала цеховая и гильдейская регламентація въ городскихъ ремеслѣхъ и торговлѣ.

И у насъ въ XVI—XVIII вв. сословность была не меньшая чѣмъ на западѣ. Но быстрота и напряженность хозяйственного процесса повели къ необычайной силѣ и рѣзкости крѣпостного права: крѣпостнымъ болѣе, чѣмъ на западѣ, стало все общество сверху донизу, и крестьянство было прикрѣплено не къ землѣ, а къ личности землевладѣльца, съ правомъ послѣдняго отчуждать крѣпостного человѣка безъ земли. Такъ хозяйственная особенность породила и социальное своеобразіе.

Тоже обнаружилось, наконецъ, и въ области политической жизни. И на западѣ для постановки и организаціи денежнаго хозяйства съ обширнымъ рынкомъ понадобилась единая и сильная абсолютная власть монарха: Тюдоры XVI в. и Стюарты XVII-го съ ихъ предшественниками XV столѣтія въ Англіи, Бурбоны съ Генриха IV до Людовика XV во Франціи и имъ подобные деспоты Германіи и Италіи въ XVIII столѣтіи служить тому доказательствомъ. Наше руссійское самодержавіе было еще болѣе крѣпко и сильно, чѣмъ даже во Франціи, не говоря уже объ Англіи; оно сложилось и окрѣпло какъ разъ между по-

ловиной XVI и половиной XVII в. и усилилось и развилось позднѣе—въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, т.е. какъ разъ въ то время, когда первоначально существовавшее натуральное хозяйство почти сразу, безъ сколько-нибудь длительного промежутка, безъ связующаго звена въ видѣ „городского“ хозяйства, стало переходить въ денежное хозяйство съ обширнымъ рынкомъ. Произвести этотъ сложный и трудный переходъ, гораздо болѣе трудный, чѣмъ на западѣ, Россія могла, только вооружившись гигантской сосредоточенной силой гипертрофированнаго самодержавія *).

Быстрота и бурность экономического развитія, сила сословности и крѣпостничества, гипертрофія самодержавія—вотъ что завѣщено было прошлымъ такъ называемой пореформенной Россіи,—Россія второй половины XIX вѣка.

II.

Въ результатѣ получилась огромная объединенная, богатая территорія и быстро растущее население. При такихъ естественныхъ задаткахъ неудивительно, что когда въ народно-хозяйственную жизнь властно вторгнулся промышленный капитализмъ,—процессъ экономического развитія продолжалъ совершаться по прежнему необычайно-быстрымъ темпомъ. Въ теченіе 30-ти лѣтъ—съ 60-хъ по 80-е годы XIX в. Россія пережила съ головокружительной быстротой самую тяжелую пору развитія промышленнаго капитализма—періодъ первоначальнаго накопленія. Одно поколѣніе совершило у насъ такую грандіозную работу, для ко-

*) См. Обо всемъ этомъ мои книги «Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.» и «Происхожденіе самодержавія въ Россіи».

торой въ западно-европейскихъ странахъ побродились два, иногда три поколѣнія.

Соціальныя отношенія и политическія формы не поспѣли за этими грандіозными перемѣнами въ хозяйствѣ. Сословность, крѣпостничество и чистое самодержавіе въ Англии, Франціи, Германіи, Италіи отошли въ прошлое ко времени наступленія періода первоначальнаго накопленія, замѣнившись начавшимся классовымъ расчлененіемъ общества, гражданской (далеко однако не политической) свободой и фикціей конституціонализма въ видѣ англійскаго парламента до 1832 года, французскихъ палатъ до 1848 г., германскихъ и итальянскихъ псевдо-свободныхъ учреждений до конца 60-хъ годовъ. У насъ въ Россіи было уничтожено только крѣпостничество (въ юридической сферѣ), уцѣлѣли сословность, и сохранилось самодержавіе. Последнее только приспособилось къ новымъ условіямъ, оказалось достаточно сильно и живуче, чтобы найти для себя въ прибавокъ къ старой еще новую соціальную опору, выразить интересы не одного лишь стараго крѣпостническаго хищничества, но и хищничества новаго, капиталистическаго. Помѣщикъ-крѣпостникъ, ведшій въ своихъ латифундіяхъ кабальное—отработочное или испольное—хозяйство по прежнему оставался опорой трона. Но эту честь оспаривалъ у него ловкій биржевой, промышленный и коммерческій дѣлецъ, грюндеръ, наживавшійся на концессіяхъ, подрядахъ, поставкахъ, гарантіяхъ, субсидіяхъ, преміяхъ, ажіотажѣ. Такъ на обильно удобренной кровью и потомъ народныхъ массъ почвѣ первоначальнаго накопленія расцвѣли махровые цвѣты самой грубой беззастѣнчивой и необузданной эксплуатаціи

Эта эксплуатація создавала для правящихъ хищниковъ великія и богатые милости. Но она болѣе или

менѣе больно отражалось на другихъ общественныхъ классахъ,—болѣе культурной части богатой торгово-промышленной буржуазіи, представителей сельско-хозяйственнаго капитализма, мелкой городской буржуазіи пролетаріатъ и крестьянствѣ.

По отношенію къ первому изъ этихъ классовъ—торгово-промышленной буржуазіи—можно говорить не столько о болевыхъ сколько просто о неприятныхъ, раздражающихъ ощущеніяхъ. Чувствуя свою реальную силу, заявляя устами своихъ представителей, что „купечество все можетъ“, крупная буржуазія, постепенно переходившая уже отъ первоначальнаго накопленія къ накопленію капиталистическому, на каждомъ шагѣ ощущали чиновничью опеку и бюрократическую рутину и потому испытывали досаду и недовольство. Недовольство это кристаллизовалось въ сколько-нибудь опредѣленную форму крайне умѣреннаго конституціонализма тогда, когда правительство, зарвавшись покровительствомъ хищникамъ всякаго рода, затѣяло манчжурско-корейскую авантюру и тѣмъ нанесло дѣйствительно весьма чувствительный ударъ русской торговлѣ на дальнемъ востокѣ: русско-японская война надолго и сильно подорвала эту торговлю, сильно ударила по карману богатую торговую и промышленную буржуазію и такимъ образомъ перевела ее въ ряды оппозиціи.

Длительнѣе, сильнѣе и острѣе было оппозиціонное настроеніе представителей капиталистическаго землевладѣнія и сельскаго хозяйства, составлявшихъ главный контингентъ культурныхъ земцевъ (второго элемента въ земствѣ: первый—населеніе, третій—наемные земскіе служащіе). Финансовая политика правительства, выражавшаяся въ промышленномъ протекціонизмѣ, естественномъ въ эпоху первоначальнаго накопленія и сопровождавшемся самыми крайними

экспессами покровительства не промышленности, а промышленникамъ, — экспессами, задерживавшими развитие капитализма, — очень дурно отражалась на интересахъ рациональнаго сельскаго хозяйства уже тѣмъ однимъ, что приводила къ высокому таможенному обложенію сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій и искусственнаго удобренія. Запретительные тарифы на продукты заграничной индустріи приводили къ таможеннымъ войнамъ, во всякомъ случаѣ къ затрудненіямъ въ экспортѣ хлѣба. Это также больно отражалось на капиталистическомъ земледѣліи. Правда, отъ этого страдало и земледѣліе крѣпостническое, также въ огромномъ количествѣ вывозившее хлѣбъ за границу, и потому правительство всегда выражавшее интересы обладателей крѣпостнически-эксплуатируемыхъ латифундій, заботливо смягчило это зло, введя конвенціонные тарифы, облегчавшіе условіе обложенія иностранныхъ товаровъ и открывавшіе просторъ для болѣе свободнаго вывоза русскаго хлѣба. Но зато государственный поземельный кредитъ черезъ посредство Дворянскаго банка былъ весь къ услугамъ не помѣщиковъ-капиталистовъ, а помѣщиковъ-крѣпостниковъ, а мелочная и придирчивая опека центра надъ органами мѣстнаго самоуправленія давила и раздражала опять таки представителей капиталистическаго земледѣлія, игравшихъ первыя роли въ земскихъ учрежденіяхъ.

Мелкая городская буржуазія—это мелкій торговецъ и содержатель ремесленной мастерской. Подъ этотъ типъ, какъ совершенно вѣрно указывается *), подходитъ и профессиональная интеллигенція—врачи, адвокаты, инженеры, профессора, учителя, литераторы. Сюда примыкають отчасти и полупролетарскіе слои,

*) Въ статьѣ тов. Д—ге въ газетѣ «Борьба».

состоящие изъ неудачниковъ въ указанныхъ сейчасъ группахъ и особенно изъ приказчиковъ, конторщиковъ и иного наемнаго люда, къ которому надо причислить также народныхъ учителей, земскихъ статистиковъ и вообще такъ называемый третій элементъ въ земствѣ. Для всей этой мелкобуржуазной массы самодержавіе крѣпостниковъ и хищниковъ съ уступками крупной буржуазіи было гораздо горше и солонѣе, чѣмъ для земцевъ. Здѣсь существовали уже совершенно опредѣленные *демократическія* тенденции съ неясно намѣчавшимися порой симпатіями къ социализму, съ колебаніями и раздвоенностью, съ мучительнымъ анализомъ и горькимъ недоумѣннымъ раздумьемъ, съ резинящей и тоской, нашедшими себѣ столь яркое и высокохудожественное выраженіе въ литературной дѣятельности Чехова.

Крестьянство, съ вдвое уменьшившимся послѣ освобожденія надѣломъ, закабаленное отработками и ипольщиной, разоренное крѣпостничествомъ и капитализмомъ, изнемогавшее подъ тяжестью податей и ферулой земскихъ начальниковъ, голодное всегда и иногда прямо умиравшее съ голоду, не могло дышать и жить въ душной атмосферѣ стараго режима и глухо, стихійно, но грозно волновалось.

Но ни одинъ классъ не ощущалъ такъ остро, какъ пролетаріатъ, непримиримое противорѣчіе стараго порядка своимъ интересамъ. Старый порядокъ не давалъ никакой возможности сѣорганизоваться въ профессиональные союзы и политическую партію, не допускалъ планомерной, систематической классовой борьбы, держалъ рабочихъ въ черномъ тѣлѣ, въ полной необеспеченности и нищетѣ. Борьба съ самодержавіемъ непримиримая, упорная, жестокая, смертный бой съ нимъ былъ необходимостью для рабочаго класса, и рано или поздно необходимость эта должна была быть со-

знана и осуществлена въ дѣйствительности, потому что самодержавіе по самой своей классовой подкладкѣ *не могло* дѣйствовать иначе, чѣмъ оно дѣйствовало.

III.

До сихъ поръ у насъ шла рѣчь о хозяйственной и социальной подготовкѣ революціи и отчасти о тѣхъ общественныхъ настроеніяхъ, которыя создавались на этой почвѣ. Но давно уже къ *настроеніямъ* стало присоединяться *сознаніе*, начала, слѣдовательно, работать политическая мысль, нерѣдко переходившая и въ политическое, революціонное, направленное къ ниспроверженію стараго строя дѣйствіе. Необходимо немногими основными чертами обозначить этотъ важный и сложный, требующій еще ряда специальныхъ изслѣдованій процессъ.

Политическое сознаніе впервые стало слагаться въ культурныхъ слояхъ помѣстнаго дворянства. Проявившись сначала въ отдѣльныхъ, единичныхъ, индивидуальныхъ исключеніяхъ, вродѣ Новикова и Радищева, это сознаніе здѣсь же нашло и первое свое выраженіе въ дѣйствіи—въ декабристахъ.

Исторія декабристовъ перестала теперь быть для насъ запретнымъ плодомъ, закрытой книгой. Легенда, сложившаяся было около нихъ благодаря окутывавшей ихъ бюрократической тайнѣ, потускнѣла и разсѣялась. Мы знаемъ теперь, какъ ясно сказала у декабристовъ ихъ классовая подкладка. Отмѣтимъ только здѣсь, въ дополненіе къ тому, что читатель можетъ найти по этому поводу въ книжкѣ тов. Левина *), заговорщицкій, не массовый характеръ дви-

*) «Декабристы» — въ изд. «Колокола».